

Виктор Пелевин

Колдун Игнат и люди
(сборник)

ФТМ

Виктор Олегович Пелевин

Колдун Игнат и люди (сборник)

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162418

Пелевин В. Колдун Игнат и люди: Авторский сборник: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-24232-0

Аннотация

Сборник повестей и рассказов Виктора Пелевина.
===== [i]Содержание сборника:[/i]
Проблема верволка в средней полосе. *Повесть* == СПИ ==
Колдун Игнат и люди. *Рассказ* Спи. *Рассказ* Вести из
Непала. *Рассказ* Девятый сон Веры Павловны. *Рассказ*
Синий фонарь. *Рассказ* СССР Тайшоу Чжуань. *Рассказ*
Мардонги. *Рассказ* Жизнь и приключения сарая номер
XII == МИТТЕЛЬШПИЛЬ == Онтология детства. *Рассказ*
Встроенный напоминатель. *Рассказ* Водонапорная башня.
Рассказ Миттельшпиль. *Рассказ* Ухряб. *Рассказ*

Содержание

ПРОБЛЕМА ВЕРВОЛКА В СРЕДНЕЙ ПОЛОСЕ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Виктор ПЕЛЕВИН

КОЛДУН ИГНАТ И ЛЮДИ

(сборник)

ПРОБЛЕМА ВЕРВОЛКА В СРЕДНЕЙ ПОЛОСЕ

Повесть

На какую-то секунду Саше показалось, что уж этот-то мятый «ЗИЛ» остановится – такая это была старая, дребезжащая, созревшая для автомобильного кладбища машина, что по тому же закону, по которому в стариках и старухах, бывших раньше людьми грубыми и неотзывчивыми, перед смертью просыпаются внимание и услужливость, – по тому же закону, только отнесенному к миру автомобилей, она должна была остановиться. Но ничего подобного – с пьяной старческой наглостью звякая подвешенным у бензобака ведром, «ЗИЛ» протарахтел мимо, напряженно въехал на пригорок, издал на его вершине непристойный победный звук, сопровождаемый струей сизого дыма, и уже беззвучно скрылся за асфальтовым перекатом.

Саша сошел с дороги, бросил в траву свой маленький рюк-

зак и уселся на него – внутри что-то перегнулось, хрустнуло, и Саша испытал злобное удовлетворение, обычное для попавшего в беду человека, узнающего, что кто-то или что-то рядом – тоже в тяжелых обстоятельствах. Насколько тяжелы его сегодняшние обстоятельства, Саша уже начинал ощущать.

Существовали только два способа дальнейших действий: либо по-прежнему ждать попутку, либо возвращаться в деревню – три километра хода. Насчет попутки вопрос был практически ясным: есть, видимо, такие районы страны или такие отдельные дороги, где в силу принадлежности всех проезжающих по ним водителей к некоему тайному братству негодяев не только невозможно практиковать автостоп – наоборот, нужно следить, чтобы тебя не обдали грязной водой из лужи, когда идешь по обочине. Дорога от Конькова к ближайшему оазису при железной дороге – километров пятнадцать по прямой – была как раз одним из таких заколдованных маршрутов. Из пяти проехавших мимо машин не остановилась ни одна, и если бы какая-то стареющая женщина с фиолетовыми от помады губами и трогательной прической «I still love you» не показала ему кукиш, длинно высунув руку из окна красной «Нивы», Саша мог бы решить, что стал невидим. Оставалась еще надежда на обещанного многими газетами и фильмами шофера, который всю дорогу молча будет вглядываться в дорогу через пыльное ветровое стекло грузовика, а потом коротким движением головы откажется

от денег (и вдруг бросится в глаза висящая над рулем фотография нескольких парней в десантной форме на фоне далеких гор), – но когда дребезжащий «ЗИЛ» проехал мимо, и эта надежда умерла.

Саша поглядел на часы – было двадцать минут десятого. Скоро стемнеет, подумал он, надо же, вот попал... Он посмотрел по сторонам – за сотней метров пересеченной местности (микроскопические холмики, редкие кусты и слишком высокая и сочная трава, заставляющая думать, что под ней болото) начинался жидкий лес, какой-то нездоровый, как потомство алкоголика. Вообще, растительность вокруг была странной. Все, что было крупнее цветов и травы, росло как бы с натугой и надрывом и хоть достигало в конце концов нормальных размеров, но оставляло впечатление, будто выросло, испугавшись чьих-то окриков, а иначе так и стлалось бы лишайником по земле. Какие-то неприятные были места, тяжелые и безлюдные, словно подготовленные к сносу с лица земли – хотя, подумал Саша, если у земли и есть лицо, то явно в другом месте. Недаром из трех виденных им сегодня деревень только одна выглядела более-менее правдоподобной – как раз последняя, Коньково, – а остальные были заброшены, и только в нескольких домиках кто-то еще доживал свой век; покинутые избы больше напоминали экспозицию этнографического музея, чем человеческие жилища.

Даже Коньково, отмеченное гипсовым часовым у шоссе и придорожной надписью «Колхоз «Мичуринский», казалось

поселением людей лишь в сравнении с глухим запустением соседних, уже безымянных, деревень. Хотя в Конькове был магазин, хлопала по ветру клубная афиша с выведенным зеленой гуашью названием французского авангардного фильма и верещал где-то за домами трактор, все равно было не по себе. Людей на улицах не было – только прошла бабка в черном, мелко перекрестившаяся при виде Сашиной гавайской рубахи, покрытой разноцветными магическими символами, да проехал на велосипеде очкастый мальчик с авоськой на руле. Велосипед был ему велик, он не мог сидеть в седле и ехал стоя, как будто бежал над ржавой тяжелой рамой. Остальные жители, если они были, сидели по домам.

В воображении поездка представлялась совсем иначе. Вот он ссаживается с речного плоскодонного теплоходика, доходит до деревни, где на завалинках – Саша не знал, что такое завалинка, и представлял ее себе в виде удобной деревянной скамейки вдоль бревенчатой стены – мирно сидят выжившие из ума старухи, кругом растет подсолнух, и под его желтыми блюдцами тихо играют в шахматы на дощатых серых столах бритые старики. Словом, представлялся Тверской бульвар, только заросший подсолнухом. Ну еще промычит вдалеке корова.

Дальше – вот он выходит на околицу, и открывается прогретый солнцем лес, река с плывущей лодкой или разрезанное дорогой поле, и куда ни пойдешь, всюду будет замечатель-

но: можно развести костер, можно вспомнить детство и ползать по деревьям – если, конечно, после того как он его вспомнит, окажется, что он по ним лазил. Вечером – на попутных машинах к электричке.

А что вышло?

Виной всему была цветная фотография из толстой ободранной книги с подписью: «Старинная русская деревня Коньково, ныне – главная усадьба колхоза-миллионера». Саша нашел место, откуда был сделан понравившийся ему снимок, проклял татарское слово «колхоз» и американское слово «миллионер» и удивился, до чего разным может быть на фотографии и в жизни один и тот же вид.

Мысленно дав себе слово никогда больше не поддаваться порывам к бессмысленным путешествиям, Саша решил хотя бы посмотреть этот фильм в деревенском клубе. Купив у невидимой кассирши билет – говорить пришлось с веснушчатой пухлой рукой в окошке, которая оторвала синюю бумажку и отсчитала сдачу, – он попал в полупустой зал, отсучал в нем полтора часа, иногда оборачиваясь на прямого, как шпала, деда, свистевшего в некоторых местах (его критерии были совершенно неясны, но зато в свисте было что-то соловьино-разбойничье, что-то от уходящей Руси); потом – когда фильм кончился – поглядел на удаляющуюся от клуба прямую спину свистуна, на фонарь под жестяным конусом, на одинаковые заборчики вокруг домов и пошел прочь из Конькова, косясь на простершего руку и поднявшего но-

гу гипсового человека в кепке, обреченного вечно брести к брату по небытию, ждущему его у шоссе.

Последнего грузовика, который своим сизым выхлопом окончательно развеял иллюзии, Саша дожидался так долго, что успел забыть о том, чего он ждет.

Встав, он закинул за спину рюкзак и пошел назад, придумывая, где и как будет ночевать. Стучаться к какой-нибудь бабке не хотелось, да и было бесполезно, потому что пускающие переночевать бабки живут обычно в тех же местах, где соловьи-разбойники и кощеи, а здесь был колхоз «Мичуринский» – понятие, если вдуматься, не менее волшебное, но волшебное по-другому, без всякой надежды на ночлег в незнакомом доме. Единственным подходящим вариантом, до которого сумел додуматься Саша, был следующий: он покупает билет на последний сеанс в клуб, а после сеанса, спрятавшись за тяжелой зеленой портьерой в зале, остается. Чтобы все вышло, надо будет встать с места, пока не включат свет, тогда его не заметит баба в самодельной черной униформе, сопровождающая зрителей к выходу. Правда, придется еще раз смотреть этот темный фильм, но тут уж ничего не поделаешь.

Думая обо всем этом, Саша вышел к развилке. Когда он проходил здесь минут двадцать назад, ему показалось, что к дороге, по которой он идет, пристроилась другая, поменьше, а сейчас он стоял на распутье, не понимая, по какой из до-

рог он шел – обе казались совершенно одинаковыми. Вроде бы по правой – там еще росло большое дерево. Ага, вот оно. Значит, идти надо направо. Перед деревом, кажется, стоял серый столб. Где он? Вот он, только почему-то слева. А рядом маленькое деревце. Ничего не понятно.

Саша поглядел на столб, когда-то поддерживавший прохода, а сейчас похожий на грозящие небу огромные грабли, и повернул влево. Пройдя двадцать шагов, он остановился и посмотрел назад: с поперечной перекладины столба, отчетливо видной на фоне красных полос заката, взлетела птица, которую он до этого принял за облепленный многолетней грязью изолятор. Он пошел дальше – чтобы успеть в Коньково вовремя, надо было спешить, а идти предстояло через лес.

Удивительно, думал он, какая ненаблюдательность. По дороге из Конькова он не заметил этой широкой просеки, за которой виднелась поляна. Когда человек поглощен своими мыслями, мир вокруг исчезает. Наверно, он и сейчас бы ее не заметил, если бы его не окликнули.

– Эй, – закричал пьяный голос, – ты кто?

И еще несколько голосов заржали. Среди первых деревьев леса, как раз возле просеки, мелькнули люди и бутылки – Саша не позволил себе обернуться и увидел местную молодежь лишь краем глаза. Он прибавил шаг, уверенный, что за ним не погонятся, но все-таки неприятно взволнованный.

– У, волчище! – прокричали сзади.

«Может, я не туда иду?» – подумал Саша, когда дорога сделала зигзаг, которого он не помнил. Нет, вроде туда: вот длинная трещина на асфальте, похожая на латинскую дубль-вэ; что-то похожее уже было.

Понемногу темнело, а идти было еще порядочно. Чтобы занять себя, он стал обдумывать способы проникновения в клуб после начала сеанса – начиная от озабоченного возвращения за забытой на сиденье кепкой и кончая спуском через широкую трубу на крыше, если она, конечно, есть.

То, что он выбрал не ту дорогу, выяснилось через полчаса, когда все вокруг уже было синим и на небе прорезались первые звезды. Ясно это стало, когда на обочине возникла высокая стальная мачта, поддерживающая три толстых провода, и послышался тихий электрический треск: по дороге от Конькова таких мачт не было точно. Уже все поняв, Саша по инерции дошел до мачты и в упор уставился на жестяную табличку с любовно прорисованным черепом и угрожающей надписью. Потом оглянулся и поразился: неужели он только что прошел через этот черный и страшный лес? Идти назад к развилке – значило снова встретиться с ребятами, сидящими у дороги, и узнать, в какое состояние они пришли под действием портвейна и сумрака. Идти вперед – значило идти неизвестно куда – но все-таки должна же дорога куда-то вести?

Гудение проводов напоминало, что где-то на свете живут нормальные люди, вырабатывают днем электричество, а вечером смотрят с его помощью телевизор. Если уж ночевать в глухом лесу, думал Саша, то лучше всего под электрической мачтой, тогда будет чем-то похоже на ночлег в парадном, а это вещь испытанная и совершенно безопасная.

Издалека донесся какой-то полный вековой тоски рев – сначала он был еле слышен, а потом вырос до невообразимых пределов, и только тогда Саша понял, что это самолет. Он облегченно поднял голову – скоро вверху появились разноцветные точки, собранные в треугольник; пока самолет был виден, стоять на темной лесной дороге было даже уютно, а когда он скрылся, Саша пошел вперед, глядя прямо перед собой на асфальт, постепенно становящийся самой светлой частью окружающего.

На дорогу падал слабый, неопределенной природы, свет, и можно было идти, не боясь споткнуться. Отчего-то – наверно, по городской привычке – у Саши была уверенность, что дорога освещена редкими фонарями. Он попытался найти фонарь и опомнился: никаких фонарей, конечно, не было – светила луна, и Саша, задрав голову, увидел ее четкий белый серп. Поглядев немного на небо, он отметил, что звезды разноцветные – раньше он этого не замечал или замечал, но давно забыл.

Наконец стемнело полностью и окончательно, то есть стало понятно, что темнее уже не будет. Саша вынул из рюкза-

зака куртку, надел ее и застегнул на все «молнии»: так он чувствовал себя в большей готовности к ночным неожиданностям. Заодно он съел два мятых плавленных сырка «Дружба» – фольга с этим словом, слабо блеснувшая в лунном свете, почему-то напоминала о вымпелах, которые человечество постоянно запускает в космос.

Несколько раз он слышал далекое гудение автомобильных моторов. Машины проезжали где-то далеко. Дорога один раз вышла из леса, сделала метров пятьсот по полю, нырнула в другой лес, где деревья были старше и выше, – и сузилась: теперь идти было темнее, потому что полоса неба над головой тоже стала уже. Ему начинало казаться, что он погружается все глубже и глубже в какую-то пропасть и дорога не выведет его никуда, а, наоборот, заведет в глухую чащу и кончится в царстве зла, среди огромных дубов, шевелящих рукообразными ветвями, – как в детских фильмах ужасов, где в конце концов побеждает такое добро в красной рубахе, что становится жалко поверженных Бабу-Ягу и Кощея.

Впереди опять возник шум мотора – теперь он был ближе, и Саша подумал, что наконец его подбросят куда-нибудь, где над головой будет электрическая лампа, по бокам – стены и можно будет спокойно заснуть. Некоторое время гудение приближалось, но внезапно стихло – машина остановилась. Он быстро пошел вперед и скоро опять услышал гудение мотора – теперь оно снова донеслось издалека, как будто машина вдруг беззвучно перепрыгнула на километр назад и

повторяла уже пройденный путь.

Он понял, что слышит другую машину, тоже едущую в его сторону. В лесу трудно точно определить расстояние до источника звука; когда вторая машина остановилась, Саше показалось, что она не доехала до него каких-нибудь сто метров; света фар не было видно, но впереди был поворот.

Это было непонятно. Одна за другой две машины вдруг остановились посреди ночного леса, как будто ухнули в какую-то яму посреди дороги.

Саша на всякий случай свернул к обочине, чтобы нырнуть в лес, если потребуют обстоятельства, и крадущейся походкой двинулся вперед, внимательно вглядываясь в темноту. Страх сразу же исчез, и он подумал, что если и не сядет сейчас в машину, то дальше пойдет именно таким образом.

Перед самым поворотом он увидел на листьях слабые красноватые отблески и услышал голоса и смех. Еще одна машина подъехала и затормозила где-то совсем рядом; хлопнули дверцы. Судя по тому, что впереди смеялись, там не происходило ничего особо страшного. Или как раз наоборот, подумал он вдруг.

Он свернул в лес и, ощупывая темноту перед собой руками, медленно пошел вперед. Наконец он оказался на таком месте, откуда было видно происходящее за поворотом. Спрятавшись за деревом, он подождал, пока глаза привыкнут к новому уровню темноты, и осторожно выглянул.

Впереди была большая поляна; с одной ее стороны в бес-

порядке стояло штук шесть машин, а освещалось все небольшим костерком, вокруг которого стояли люди разного возраста и по-разному одетые, некоторые с бутербродами и бутылками в руках. Они переговаривались и вели себя как любящая большая компания вокруг ночного костра – не хватало только магнитофона, натужно борющегося с тишиной.

Словно услышав Сашину мысль, плотный мужчина подошел к машине, сунул внутрь руку, и заиграла довольно громкая музыка – правда, неподходящая для пикника: монотонно завывали какие-то хриплые мрачные трубы.

Однако компания не выразила неудовольствия – наоборот, когда человек, включивший музыку, вернулся к остальным, его несколько раз одобрительно хлопнули по плечу. Приглядевшись, Саша стал замечать и другие странности.

У костра особняком стоял военный – кажется, полковник; его обходили стороной, а он иногда поднимал руки к луне. Несколько человек были в костюмах с галстуками, будто приехали не в лес, а на работу.

Саша вжался в свое дерево, потому что к ближнему краю поляны подошел человек в просторной черной куртке, с перехватывающим волосы кожаным ремешком на лбу. Еще кто-то повернул лицо, слегка искаженное прыгающими отблесками костра, в Сашину сторону... Нет, показалось, никто его не заметил.

Ему пришло в голову, что все это легко объяснить: сидели, наверное, на каком-нибудь приеме, а потом рванули в лес...

Военный – для охраны или танки продает. Но почему такая музыка?

– Эй, – сказал сзади тихий голос.

Саша похолодел. Он медленно обернулся и увидел девочку в спортивном костюме с адидасовской лилией на груди.

– Ты чего тут делаешь? – так же тихо спросила она.

Он с усилием разлепил рот:

– Я... так просто.

– Что так просто?

– Ну, шел по дороге, пришел сюда.

– То есть как? – удивилась девочка. – Ты что, не с нами приехал?

– Нет.

Она сделала такое движение, будто собиралась отпрыгнуть от него, но все-таки осталась на месте.

– Ты, значит, сам сюда пришел? Взял и пришел?

– Непонятно, что тут такого, – сказал Саша. Ему пришло в голову, что над ним издеваются, но девочка помотала головой с таким чистосердечным недоумением, что он действительно отбросил эту мысль. Наоборот, ему самому вдруг показалось, что он действительно выкинул нечто ни в какие ворота не лезущее.

Минуту она молча соображала, потом спросила:

– А как ты теперь выкручиваться хочешь?

Саша решил, что она имеет в виду его положение одинокого ночного пешехода, и ответил:

– Как? Попрошу, чтобы довезли до какой-нибудь станции. Вы когда возвращаетесь?

Она промолчала. Он повторил вопрос, и она как-то неопределенно покрутила рукой.

– Или дальше пойду, – вдруг сказал Саша.

Девочка посмотрела на него с сожалением.

– Я тебе вот что скажу: бежать не пробуй. Правда. А лучше минут так через пять иди к костру, посмелее. И глаза сделай безумные. Тебя, значит, спросят: кто ты такой и что здесь делаешь. А ты отвечай, что зов услышал. И главное, с полной уверенностью. Понял?

– Какой зов?

– Такой. Мое дело тебе совет дать.

Девочка еще раз оглядела Сашу, обошла его и двинулась на поляну. Когда она подошла к костру, мужчина в кроссовках потрепал ее по голове и дал ей бутерброд.

«Издевается», – подумал Саша. Но всмотрелся в человека с ремешком на лбу, все еще стоявшего на краю поляны, и решил, что не издевается: очень уж странно он вглядывался в ночь, этот человек. А в центре поляны вдруг стал виден воткнутый в землю деревянный шест с насаженным на него черепом – узким и длинным, с мощными челюстями. Собачий? Нет, скорее волчий...

Он решился, вышел из-за дерева и двинулся к желто-красному пятну костра. Шел он покачиваясь – и не понимал почему, а глаза его были прикованы к огню.

Разговоры на поляне сразу смолкли.

– Стой, – хрипло сказали от столба с черепом.

Он не остановился – к нему подбежали, и несколько сильных мужских рук схватили его.

– Ты что здесь делаешь? – спросил голос, который командовал ему остановиться.

– Зов услышал, – мрачно и грубо ответил Саша, глядя в землю.

– А, зов... – раздались голоса.

Его отпустили, вокруг засмеялись, и кто-то сказал:

– Новенький.

Саше подали бутерброд и стакан воды, после чего он оказался немедленно забыт. Саша вспомнил о своем рюкзаке, оставшемся за деревом. «Черт с ним», – подумал он и занялся бутербродом.

Мимо прошла девочка в спортивном костюме.

– Слушай, – спросил он, – что здесь происходит? Пикник?

– Погоди, узнаешь.

Она помахала мизинчиком – какой-то совершенно китайский получился жест – и отошла к людям, стоявшим у шеста с черепом.

Сашу дернули за рукав. Он обернулся и вздрогнул: перед ним стоял военный.

– Слышь, новенький, – сказал он, – заполни-ка.

В Сашину руку легли разграфленный лист бумаги и ручка. Костер освещал скуластое лицо военного и надписи на

листке; это оказалась обычная анкета. Саша присел на корточки и на колене, кое-как, стал вписывать ответы – где родился, когда, зачем и так далее. Было, конечно, странно заполнять анкету посреди ночного леса, но то, что над головой стоял человек в форме, каким-то образом уравнивало ситуацию. Военный ждал, иногда нюхая воздух и заглядывая Саше через плечо. Когда последняя строчка была дописана, он схватил ручку и листок, оскаленно улыбнулся и странной припрыжкой побежал к машине, на капоте которой лежала открытая папка.

Пока Саша заполнял анкету, у костра произошли заметные перемены. Люди по-прежнему разговаривали, но голоса их стали какими-то лающими, а движения и жесты плавными и ловкими. Какой-то мужик в вечернем костюме ловко кувыркался в траве, отбрасывая движениями головы мотающийся галстук; другой замер, как журавль, на одной ноге и молитвенно глядел на Луну, а кто-то еще, видный сквозь языки огня, стоял на четвереньках и поводил головой. Саша сам стал чувствовать звон в ушах и сухость во рту.

Все это находилось в несомненной, хоть и неясной связи с музыкой: она стала быстрее, и трубы хрипели все тревожней, так что их звук постепенно начинал напоминать включившуюся автомобильную сигнализацию. Вдруг трубы смолкли на резкой ноте и пронесся воющий удар гонга.

– Эликсир! – приказал полковник.

Саша увидел худую старую женщину в длинном жакете и

красных бусах. Она несла баночку, накрытую бумажкой, – в таких продают майонез. Вдруг у шеста с черепом произошло легкое смятение.

– Вот это да, – восхищенно сказал кто-то, – без эликсира...

Саша поглядел туда и увидел, что его знакомая в спортивном костюме встала на колени. Она выглядела более чем странно – ее ноги как будто уменьшились, а лицо, наоборот, вытянулось, превратившись в неправдоподобную, страшную полуволчью морду.

– Великолепно, – сказал полковник и обернулся, приглашая всех полюбоваться. – Слов нет! Великолепно! А еще нашу молодежь ругают!

По телу жуткого существа прошла волна, еще одна, волны убыстрились и перешли в крупную дрожь. Через минуту на поляне между людьми стояла молодая волчица.

– Это Лена из Тамбова, – сказал кто-то Саше в ухо, – она очень способная.

Разговоры стихли, и как-то естественно все выстроились в неровную шеренгу. Женщина с полковником пошли вдоль нее, давая всем по очереди отхлебнуть из банки. Саша, совершенно одуревший от увиденного, оказался в середине шеренги. На несколько минут он перестал воспринимать происходящее, а потом вдруг увидел, что женщина в бусах стоит напротив него и протягивает к его лицу руку с банкой. Саша почувствовал какой-то знакомый запах – так пах-

нут растения, если растереть их на ладони. Он отшатнулся, но рука настигла его и ткнула в губы край банки. Саша сделал маленький глоток и одновременно почувствовал, что его держат сзади. Женщина шагнула дальше.

Он открыл глаза. Пока он держал жидкость во рту, вкус казался даже приятным, но когда он проглотил ее, его чуть не вырвало.

Резкий растительный запах усилился и заполнил Сашину пустую голову – как будто она была воздушным шариком, в который кто-то вдувал струю газа. Шарик вырос, раздулся – его тянуло вверх все сильнее, и вдруг он порвал тонкую нить, связывавшую его с землей, и понесся вверх – далеко внизу остались лес, поляна с костром и люди на ней, а навстречу полетели редкие облака, а потом звезды. Скоро внизу уже ничего не было видно. Он стал глядеть вверх и увидел, что приближается к небу, – как выяснилось, небо представляло собой вогнутую каменную сферу с торчащими из нее блестящими металлическими остриями, которые и казались снизу звездами. Одно из сверкающих лезвий несло прямо на Сашу, и он никак не мог предотвратить встречу, он летел ввысь все быстрее и быстрее. Наконец он напоролся на острие и лопнул с громким треском. Теперь от него осталась лишь стянувшаяся оболочка, которая, покачиваясь в воздухе, стала медленно спускаться к земле.

Падал он долго, целое тысячелетие, и наконец почувствовал под собой твердую поверхность. Это было настолько

приятно, что от наслаждения и благодарности Саша широко махнул хвостом, поднялся с брюха на лапы и тихо завыл.

Рядом с ним стояло несколько волков. Он сразу узнал среди них Лену – а как, было неясно. Те человеческие черты, которые он в ней отметил раньше, теперь, разумеется, исчезли. Вместо них появились такие же особенности, но волчьи. Он никогда не подумал бы, что выражение волчьей морды может быть одновременно насмешливым и мечтательным, если бы не увидел этого собственными глазами. Лена заметила, что он ее рассматривает, и спросила:

– Ну как?

Она не говорила словами. Она тонко и тихо взвизгнула – или проскулила – это никак не было похоже на человеческий язык, но Саша уловил не только смысл вопроса, но и некоторую развязность, которую она ухитрилась придать своему вою.

– Здорово, – хотел он ответить. Получился короткий лающий звук, но этот звук и был тем, что он собирался сказать.

Лена улеглась на траву и положила морду между лапами.

– Отдохни, – провыла она, – сейчас будем долго бежать.

Саша поглядел по сторонам – под шестом по траве катался военный, на глазах обрастая шерстью прямо поверх кителя; из его штанов быстро, как травинка в учебном фильме по биологии, рос толстый лохматый хвост.

На полянке теперь стояла волчья стая – и только женщина в бусах, разносившая эликсир, оставалась человеком. Она с

некоторой опаской обошла двух матерых волков и залезла в машину.

Саша повернулся к Лене и провыл:

– Она не из наших?

– Она нам помогает. Сама она коброй перекидывается.

– А сейчас будет?

– Сейчас для нее холодно. Она в Среднюю Азию ездит.

Волки прохаживались по поляне, подходили друг к другу и тихо перелаивались. Саша сел на задние лапы и постарался ощутить все стороны своего нового качества.

Во-первых, он различал множество пронизывающих воздух запахов. Это было похоже на второе зрение – например, он сразу же почуял свой рюкзак, оставшийся за довольно далеким деревом, почувствовал сидящую в машине женщину, след недавно пробежавшего по краю поляны суслика, солидный мужественный запах пожилых волков и нежную волну запаха Лены – это был, наверное, самый свежий и чистый оттенок всего невообразимо огромного спектра запахов псины.

Такая же перемена произошла со звуками: они стали гораздо осмысленней, и их число заметно увеличилось – можно было выделить скрип ветки под ветром в ста метрах от поляны, стрекотание сверчка совсем в другой стороне и следить за колебаниями этих звуков одновременно, не раздвигая внимания.

Но главная метаморфоза, которую ощутил Саша, была в самоосознании. На человеческом языке это было очень труд-

но выразить, и он стал лаять, визжать и скулить про себя, так же как раньше думал словами. Изменение в самоосознании касалось смысла жизни: он подумал, что люди способны только говорить о нем, а вот ощутить смысл жизни так же, как ветер или холод, они не могут. А у Саши такая возможность появилась, и смысл жизни чувствовался непрерывно и отчетливо, как некоторое вечное свойство мира, и в этом было главное очарование нынешнего состояния. Как только он понял это, он понял и то, что вряд ли по своей воле вернется в прошлое естество – жизнь без этого чувства казалась длинным болезненным сном, неправдоподобным и мутным, какие снятся при гриппе.

– Готовы? – пролаял от шеста с черепом бывший полковник.

– Готовы! – взвыл вокруг десятков глоток.

– Сейчас... Пару минут, – прохрипел кто-то сзади. – Перекинуться не могу...

Саша попытался повернуть морду и взглянуть назад – не удалось. Оказалось, что шея плохо гнется, надо было поворачиваться всем телом. Подошла Лена, ткнула его холодным носом в бок и тихонько проскулила:

– Ты не вертись, а глаза скашивай. Гляди.

Ее глаз вспыхнул красным при повороте. Саша попробовал – и действительно, скосив глаза, увидел свою спину, хвост и гаснущий костер.

– Куда побежим-то? – озабоченно спросил он.

– В Коньково, – ответила Лена, – там две коровы на поле.

– А разве они сейчас не заперты?

– Специально устроено. Иван Сергеевич устроил звонок оттуда, – Лена указала мордой вверх, – мол, изучаем влияние ночного выпаса на надои. Что-то в этом роде.

– А что, там, – Саша повторил ее жест, – тоже наши?

– А ты думал.

Иван Сергеевич – бывший мужчина в черной куртке и с ремешком на лбу, превратившимся сейчас в полоску темной шерсти, – значительно кивнул мордой.

Саша скосил на Лену глаза. Она вдруг показалась ему удивительно красивой: блестящая гладкая шерсть, нежный изгиб спины, стройные и сильные задние лапы, пушистый молодой хвост и трогательно перекатывающиеся под шкурой лопатки – в ней одновременно чувствовались сила, немного застенчивая кровожадность и то особое, свойственное молодым волчицам очарование, которое так бессилён выразить волчий вой. Заметив его взгляд, Лена смутилась и отошла в сторону, опустив хвост и расстилая его над травой. Саша тоже смутился и сделал вид, что выкусывает репей из шерсти на лапе.

– Еще раз спрашиваю, все готовы? – накрыл поляну низкий лай вожака.

– Все! Все готовы! – ответил дружный вой.

Саша тоже провыл:

– Все!

– Тогда вперед.

Вожак потрусил к опушке – казалось, он специально движется медленно и расхлябанно, как спринтер, вразвалку подходящий к стартовым колодкам, чтобы подчеркнуть быстроту и собранность, которую он покажет после выстрела.

У края поляны вожак пригнул морду к земле, приняхался, взвыл и вдруг прыгнул в темноту. Сразу же, с лаем и визгом, за ним рванулись остальные. Первые секунды этой гонки во тьме, утыканной острыми сучьями и колючками, Саша ощущал то же, что бывает при прыжке в воду, когда неизвестна глубина, – страх разбить голову о дно. Однако оказалось, что он чувствует встречные препятствия и без труда обходит их. Поняв это, он расслабился, и бежать стало легко и приятно – казалось, его тело мчится само по себе, высвобождая скрытую в нем силу.

Стая растянулась и образовала ромб. По краям летели материые, мощные волки, а в центре – волчицы и волчата. Волчата ухитрялись играть на бегу, ловить друг друга за хвосты и совершать невообразимые прыжки. Сашино место было в вершине ромба, сразу за вожаком – откуда-то он знал, что это почетное место, и сегодня оно отдано ему как новичку.

Лес кончился, и открылось большое пустынное поле и дорога – стая помчалась по асфальту, набавив скорости и растянувшись в серую ленту с правой стороны шоссе. Саша узнал дорогу. По пути на поляну она казалась темной и пустой, но сейчас он всюду замечал жизнь: вдоль дороги снова-

ли полевые мыши, при появлении волков исчезающие в своих норах; на обочине свернулся колючим шаром еж и отлетел в поле, отброшенный легким ударом волчьей лапы, реактивными истребителями промчались два зайца, оставив густой след запаха, по которому было ясно, что они насмерть напуганы, а один вдобавок полный идиот.

Лена бежала рядом с Сашей.

– Осторожно, – провыла она и указала мордой вверх.

Он поднял глаза, предоставив телу самому выбирать путь. Над дорогой летели несколько сов – точно с такой же скоростью, с какой волки мчались по асфальту. Совы угрожающе заухали, волки в ответ зарычали. Саша почувствовал странную связь между совами и стаей. Они были враждебны друг другу, но чем-то похожи.

– Кто это? – спросил он у Лены.

– Совы-оборотни. Они крутые... Был бы ты один...

Лена еще что-то прорычала и с ненавистью поглядела вверх. Совы стали отдаляться от дороги и подниматься ввысь. Они летели, не махая крыльями, а просто распластав их в воздухе. Сделав высоко в небе круг, они повернули в сторону восходящей луны.

– На птицефабрику полетели, – прорычала Лена, – днем они там вроде как спонсоры.

Они подбегали к развилке – впереди возник знакомый придорожный столб и высокое дерево. Саша учуял свой собственный, еще человеческий, след и даже какое-то эхо мыс-

лей, приходивших ему в голову на дороге несколько часов назад, – это эхо оставалось в запахе. Стая плавно вписалась в поворот и помчалась к Конькову.

Лена чуть отстала, и теперь рядом с Сашей бежал полковник – был он крупным рыжеватым волком с как бы опаленной мордой. В его движениях было что-то странное – приглядевшись, Саша заметил, что тот иногда сбивается на иноходь.

– Товарищ полковник! – провыл он.

Получилось что-то вроде: «Х-ррр-уууу-ввыы...», но полковник все понял и дружелюбно повернул морду.

– А много у нас в армии оборотней? – зачем-то спросил Саша.

– Много, – отозвался полковник.

– А давно?

Они высоко подпрыгнули, пролетели над длинной лужей и помчались дальше.

– С самого начала, – пролаял полковник, – как, по-твоему, белых через Сибирь гнали?

Он издал серию похожих на хохот хриплых рыков и исчез впереди, высоко, как флаг на корме, подняв хвост.

«Да пошел он со своей Сибирью», – подумал Саша.

Мимо пронесся гипсовый часовой, за ним – указатель с надписью «Колхоз Мичуринский», и вот уже вспыхнули вдали редкие огни Конькова.

Деревня приготовилась к встрече надежно. Она напоминала состоящий из множества водонепроницаемых отсеков корабль: когда настала ночь и на улицы, которых было всего три, хлынула темнота, дома задраились изнутри и теперь поддерживали в себе желтое электрическое сияние разумной жизни независимо друг от друга. Так и встретило волков-оборотней Коньково – желтыми зашторенными окнами, тишиной, безлюдьем и автономностью каждого человеческого жилища; никакой деревни уже не было, а было несколько близкорасположенных пятен света посреди мировой тьмы.

Длинные серые тени понеслись по главной улице и закрылись перед клубом, гася инерцию бега. Двое волков отделились от стаи и исчезли между домами, а остальные уселись посреди площади – Саша тоже сел в круг и с неясным чувством поглядел на клуб, где совсем недавно собирався ночевать, про который уже успел забыть и возле которого опять оказался при таких неожиданных обстоятельствах. «Вот ведь как бывает в жизни», – сказал у него в голове чей-то мудрый голос.

– Лен, а куда они... – повернулся он к Лене.

– Сейчас придут. Помолчи.

Еще когда они подбегали к Конькову, Луна ушла за длинное рваное облако, и теперь площадь освещалась только лам-

пой под качающимся на ветру жестяным конусом. Поглядев по сторонам, Саша нашел картину зловещей и прекрасной: стального цвета тела неподвижно сидели вокруг пустого, похожего на арену пространства; оседала поднятая волками пыль, сверкали глаза и клыки, а крашенные домики людей, облепленные телеантеннами и курятниками, гаражи из ворованной жести и кривой парфенон клуба, перед которым брел в никуда отвергнутый вождь, – все это казалось даже не декорацией к реальности, сосредоточенной в середине площади, а пародией на такую декорацию.

В тишине и неподвижности прошло несколько минут. Потом что-то выдвинулось из проулка на главную улицу, и Саша увидел три волчьих силуэта, трусцой приближающихся к площади. Двое волков были знакомы – Иван Сергеевич и военный, а третий – нет. Саша почувствовал его запах, полный затхлого самодовольства и одновременно испуга, и подумал: кто бы это мог быть?

Волки приблизились. Военный приотстал и с разгона грудью налетел на третьего, втолкнув его в круг, после чего они с Иваном Сергеевичем уселись на оставленные для них места. Круг замкнулся, и в центре его теперь находился неизвестный.

Саша внюхался в неизвестного – тот производил впечатление, какое в человеческом эквиваленте мог бы произвести мужчина лет пятидесяти, конически расширяющийся книзу, с наглым и жирным лицом – вместе с тем странно легкий и

как бы надутый воздухом.

Неизвестный покосился на пихнувшего его волка и с неуверенной веселостью сказал:

– Так. Стая полковника Лебедеенко в полном составе. Ну и чего мы хотим? К чему вся эта патетика? Ночь, круг?

– Мы хотим поговорить с тобой, Николай, – ответил вожак. (Саша к этому моменту понял, что им был военный.)

– Охотно, – провыл Николай, – это я всегда... К примеру, можно поговорить о моем последнем изобретении. Я назвал его игрой в мыльные пузыри. Как ты знаешь, я всегда любил игры, а в последнее время...

Саша вдруг заметил, что следит не за тем, что говорит Николай, а за тем, как – говорил он быстро, каждое следующее слово набегало на предыдущее, и казалось, что он использует слова для защиты от чего-то крайне ему не нравящегося – как если бы это что-то карабкалось вверх по лестнице, а Николай (Саша почему-то представил себе его человеческий вариант), стоя на площадке, швырял бы в него все попадающиеся под руку предметы.

– ...создать круглую и блестящую модель происходящего.

– В чем же заключается игра? – спросил вожак. – Расскажи. Мы тоже любим игры.

– Очень просто. Берется какая-нибудь мысль, и из нее выдувается мыльный пузырь. Показать?

– Покажи.

– К примеру... – Николай задумался на секунду. – К при-

меру, возьмем самое близкое: вы и я.

– Мы и ты, – повторил вожак.

– Да. Вы сидите вокруг, а я стою в центре. Это то, из чего я буду выдувать пузырь. Итак...

Николай улегся на брюхо и принял расслабленную позу.

– ...Итак, вы стоите, а я лежу в центре. Что это значит? Это значит, что некоторые аспекты плывущей мимо меня реальности могут быть проинтерпретированы таким образом, что я, довольно грубо вытащенный из дома, якобы приведен и якобы посажен якобы в круг якобы волков. Возможно, это мне снится, возможно – это снится вам, но безусловно одно: что-то происходит. Итак, мы срезали верхний пласт, и пузырь начал надуваться. Займемся более нежными фракциями происходящего, и вы увидите, какие восхитительные краски пройдут по его утончающимся стенкам. Вы, как это видно по вашим мордам, принесли с собой обычный набор унылых упреков. Мне не надо слушать вас, я знаю, что вы скажете. Мол, я не волк, а свинья – жру на помойке, живу с дворняжкой и так далее. Это, по-вашему, низко. А та полумная суета, которой вы сами заняты, по-вашему, высока. Но вот сейчас на стенках моего пузыря отражаются совершенно одинаковые серые тела – любого из вас и мое, а еще в них отражается небо – и честное слово, при взгляде оттуда очень похожи будут и волк, и дворняжка, и все, чем они заняты. Вы бежите куда-то, а я лежу среди старых газет на своей помойке – как, в сущности, ничтожна разница! Причем если за

начало отсчета принять вашу подвижность – обратите на это внимание! – выйдет, что на самом деле бегу я, а вы топчетесь на месте. – Он облизнулся и продолжил: – Вот пузырь наполовину готов. Далее, выплывает ваша главная претензия ко мне: я нарушаю ваши законы. Обратите внимание – ваши, а не мои. Если уж я и связан законами, то собственного сочинения, и считаю, что это мое право – выбирать, чему и как подчиняться. А вы не в силах разрешить себе это. Но чтобы не выглядеть в собственных глазах идиотами, вы сами себя уверяете, что существование таких, как я, может вам навредить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.